

Светлана Макарова-Гриценко

МНЕ ВЕШНИЙ МИР УВИДЕТЬ ДОВЕЛОСЬ

* * *

*Епистинии Степановой,
отдавшей войне девять сыновей*

Светлана Николаевна Макарова-Гриценко родилась на Кубани. Выпускница филологического факультета Кубанского государственного университета и музыкального училища им. Н.А. Римского-Корсакова. Председатель Краснодарского регионального отделения Союза писателей России, главный редактор журнала «Краснодар литературный», координатор международного поэтического движения «Мир без стен» по ЮФО РФ. Заслуженный деятель искусств Кубани. Лауреат многих литературных премий. Прозаик, поэт, публицист.

Заметает степь курганную зимушка,
тучей хмурую грозит небосвод.
Вечным сном ты спишь теперь,
Епистиньюшка,
отдохни от материнских забот.

Колыбельные сыночкам все пела ты,
напекла хлебов на век, не на год!
Только скрылася дороженька белая,
у войны кровавый начался счет.

И слетелися все черные вороны!
Вон, опять они над хатой кружат.
Погубили сыновей твоих вороги —
девять соколов, героев-солдат.

Ох, лютует, ох, сечет вьюга синяя,
да тебя ей не задеть, не пронять.
Вечным сном уснула ты, Епистиния,
Русских воинов Великая Мать.

* * *

А между нами белая страна,
засыпанные мокрым снегом хаты.
Под стук колес мне не дожидаться сна,
но в этом поезда не виноваты.

Чугунных рельсов бесконечна нить,
чисты и строги русские березы.
И мне их, как тебя, дано любить
сквозь свет и горечь, не скрывая слезы.

На площади вокзальной спят бомжи.
Там горький мат и кашель злой, надрывный.
Но я вне зла, вне суеты и лжи
вернусь — и знаю: я смогу быть сильной.

И позабуду стылые слова.
И вновь смогу наивной стать, как прежде,
Ты и Россия — вы моя судьба,
Слеза и мука.

Радость и надежда...

В ДЕВЯНОСТЫХ

1

Из камня строгие ступени
истерты о наждак подошв.
Я пью глотками наше время,
как дым дешевых папирос.

Вновь — признаю и сомневаюсь,
хочу уверовать — боюсь.
Не полюбив еще, уж каюсь.
Не плачу, но и не смеюсь.

Рояль роняет звуки-мысли,
не вышел вновь певучий тон.
Уж видно, среди речей цветистых
здесь подменили камертон.

А в белых платьях свет надежды,
от свечек это и берез.
И чистый ветер гладит нежно
Пшеничный венчик сухих кос.

2

Я не вошла в церковный храм,
стояла у дубовой двери.
Взлетая к белым облакам,
высоко, чисто, скорбно пели.

Шли люди, девочка, старик,
колокола вдруг взяли дружно.
И свечи осветили лик,
глядящий вниз великодушно.

И словно дрогнула струна,
дождевой покати́лась быстрой.
Я не решилась, не вошла
пред светлый взгляд Его пречистый...

3

Просвет славянских глаз
в цветном платке толпы,
волна с волной сошлась,
и вот прозрела ты.

И буйный вихрь степной
запел, задел струну,
трамвай и дождь косой
прорвали злую тьму.

Я вспомнила тебя,
о, кровь, о, боль моя!
Сиротка на ветру
в лохмотьях декабря.

Иль скорбная жена,
морщин не сосчитать.
О, ясная, как День.
О, вечная, как Мать.

* * *

Счастье сосулькой тонкой
в руки мои легло.
Радостно мне и горько:
Как сохранить его?

Кружится, затихает
нервная дробь шагов,
медленно вытекает
счастье из рукавов.

Тонкой струится пылью,
словно песок часов.
Пальцы дрожат, и видно
каплю на дне весов...

* * *

А знаешь, что за тридцать земель
увидел в небе ты мою луну,
и вещей птицы горловая трель
победно огласила тишину.

Луна за рваным облаком плыла,
а я хлеба пекла и калачи
и кружева я русские плела,
и слезы горькие лила в ночи.

Той вещей птицы золотая трель —
звучи стократ, стотысячно звучи!
Луна, сгоняя сон, сомни постель —
ищи, родной, ищи меня, ищи...

* * *

Позволь мне сегодня быть слабой,
хоть пройдены сотни дорог,
побыть просто русскою бабой,
уоставшей от вечных тревог.

Позволь мне поплакать немножко,
уткнувшись в родное плечо.
Стучит тихий дождик в окошко,
от печки еще горячо.

Пусть завтра я стану иною —
в заботах, друзьях, суете,
ты, посланный доброй судьбою,
позволь мне всплакнуть в темноте.

* * *

День отгремел, как колесница,
июньским отшумел дождем,
и в полночь звездную не спится.
Давай-ка, что ли, запоем?

Давай подхватим и затынем
мотив далекой старины
и, может, чуть добрее станем,
душою посветлеем мы.

Прошедших лет рубцы седые
на сон грядущий заживут.
Давай, споем-ка о России,
о нас с тобой, живущих тут.

* * *

Любви я нашей не спасу
и стану длинной черной тенью
за все слова, за все мученья,
что я тебе собой несу.

За то, что я живу на свете.
За то, что нет зимою роз.
За то, что здесь меня ты встретил.
За то, что все опять всерьез.

Пусть тень моя пройдет по свету,
узнает тайны ста дорог,
узнает тех, кого уж нету,
и вновь твоих коснется ног.

И ты тогда не плачь, не сетуй,
себя напрасно не ругай
и одинокой тени этой
своей любви не предлагай.

* * *

И снова в буднях раствориться,
увязнуть в колее сует,
и росчерк в небе синей птицы
сморгнуть с ресниц, как тихий бред.

И мчать среди чужих и правых,
им доверяясь, как всегда,
но, день загнав за переправу,
вдруг растерять все «нет» и «да».

Растерянно остановиться,
поранившись о нежный взгляд,
улыбкой, как росой, омыться
и отозваться невпопад...

* * *

Страницы — белая бумага,
а буквы — черная вода.
Стихам положена отвага —
они открыты для суда...

Душа до боли оголится
и, став беспомощно-нагой,
ей принародно повиниться
в стихах назначено судьбой.

Но вот прочитаны страницы,
рукой уставшей их смахнут,
и, черной отхлебнув водицы,
вдохнут:

— Опять поэты врут!

Сочится вечер сквозь ненастье дня,
лиловый сумрак накрывает крыши,
и всем вокруг сейчас не до меня,
и жизни срок случайно будто вышел.

И словно бы не мне предрешено
заглядывать в небесные тетрадки,
и зря белеет лампою окно,
и не спасает нежность тонкой прядки.

Но в слове «быть» —

и смысл, и жизни ось!

И тень моя теперь подобна чуду.

Да, в свете фонарей — я здесь!

А значит — буду.

Мне вешний мир увидеть довелось.

«...БЕЗ СУЕТЫ, БЕЗ СТРАХА И БЕЗ ГРЕХА»

*...И только дыханьем строк
судьба пощадила нас.*

Светлана Макарова-Гриценко

Светлана Макарова-Гриценко в большей степени известна как прозаик. Однако давняя фраза о том, что без поэзии проза мертва, в ее творчестве обретает дополнительное подтверждение. Помимо авторского сборника стихотворений, в ее библиографии есть книга поэтических переводов на белорусский язык «Стихи спускаются с небес». И вот в нынешнем году появился второй сборник стихотворений и переводов с почти зеркальным названием — «Жить на этой земле...»¹.

В новой книге поэтессы (в настоящем контексте будем закономерно именовать ее именно так) предстает перед читателем в самых разных тематических воплощениях. Здесь есть строки, посвященные родной земле, Великой Отечественной войне, материнской доле, пейзажные сюжеты, стихи о любви и одиночестве, лирические размышления философского характера. Достаточно широкая тематическая палитра представляет нам автора как участника и созерцателя большого мира, в котором один угол зрения не заслоняет собой какой-то иной ракурс — все они существуют в предложенном читателю большом поэтическом высказывании, кажется, на равных правах. За единственным исключением: смысловым и интонационным стержнем сборника оказываются стихотворения о любви. А пространство, в котором происходят или наперекор надеждам не случаются те или иные события, обозначено в заглавии книги: «Жить на этой земле...».

Во многом такая позиция наглядно верна: все земные шаги предопределяют небесную судьбу человека, а страдания и подвиги, которым мы сочувствуем и перед которыми преклоняемся, имеют свое надмирное измерение. Но у Светланы

¹ Светлана Макарова-Гриценко. Жить на этой земле... — Краснодар: Редакция газеты «Каневские зори», 2023.

Макаровой-Гриценко мистическая нота в стихах приглушена: слух автора, ее память, зрение и сердечное переживание — все здешнее. Это та же реальность, но с более глубоким теневым объемом, в котором невидимо переплетены чувства и предназначение человека, его счастье и беда. Тогда как незримый мир, всеми своими токами пронизывающий осязаемую действительность, автор только подражает и почти не конкретизирует.

В лирическом рассказе прорисовывается образ героини, заждавшейся любви и взаимопонимания. Потому так подчеркнуто воспринимает она все оттенки общения с любимым человеком. Хотя подробности во многом скрыты, события прямо не названы, а все происходящее переведено в психологическое поле.

Нелюбимой жила этот день,
нежеланной тебе и ненужной.
На прощанье сказал ты про дружбу
и, увы, неизбежность потерь.

Нелюбимой по городу шла,
нежеланной на небо смотрела,
шаг за шагом мертвела душа,
леденила горячее тело.

Где ты, солнце? — за тучу ушло.
Птичий грай — черных воронов стая.
Хорошо, что душа ледяная
и не нужно ей больше тепло.

Постепенно нарастая по объему авторских замечаний и *окрашенных* примет, перед внутренним взором читателя возникает фигура земной женщины — до времени затаенной, но постепенно раскрывающей молчаливо хранимые драгоценности своего сердца — сдержанного на словах, но в себе самом — горячего и терпеливого.

На фоне сюжетов патриотического и краеведческого характера это определено женские стихи, продолжающие ахматовскую линию русской поэзии. Хотя в образе лирической героини нет уже привычного и подчеркнутого чувства одиночества и стоицизма, основанного на спрятанном отчаянии, — вся она находится в молчаливом ожидании перемен и, в то же время, в тоскливом неверии, что с течением дней в ее судьбе что-то изменится. И когда возникают токи любви, возникают прикосновения, понимания друг друга с полуслова, появляется образ женщины обаятельной, но словно века прожившей если не в летаргическом сне, то в замирании, в грустной привычке сохранять житейский баланс желаний и обязанностей. И это перерождение бросает отблеск на все вокруг — на природу, людей, движение времен года.

А мне бы снова стать простой и сильной,
спокойной, словно старая дорога,
что протянулась прямо от порога
и вдаль зовет, укрывшись мглой синей.

И чтобы россыпь звезд, манящих, алых.
Да шум берез, да легкость птичьей стайки.
И сладких слез, пусть даже запоздалых.
И песню б под дыхание тальянки.

И мне б идти, свободой томимой,
на белую зарю по той дороге.
Да чтоб мои не уставали ноги.
Да чтоб вослед никто не звал любимой...
.....

Еще вчера мне места было мало —
давила мгла.

Душа моя металась и рыдала —
мир полон зла.

А за стеною кто-то пел уныло:

«Прости, прости...».

Но не подвластно этой песне было
любовь спасти.

И шли дожди. Без края, без начала,
ночь — как смола.

А где-то далеко зима крепчала,
снега мела.

Она пришла сегодня, спозаранку,
и рассвело,
сквозь голубую в сером небе ранку
дождей тепло.

Весь мир, как белый голубь —
мягкость взмаха чиста, тиха.

В глазах — восторг,
без суеты, без страха
и без греха.

Между тем в корпусе стихотворений Светланы Макаровой-Гриценко мы не находим торжества любви, рождения ослепительного нового солнца. Прежний опыт душевно уединенного существования не покидает ее героиню, несмотря на то, что кровь ее стала двигаться быстрее, а сама она обрела способность видеть во внешнем мире значительно больше граней, оттенков, примет, перемен... Очевидно, прощая печаль в чем-то умаляет всплеск радости, делает ее сдержанней и осмыслительней. И в этом можно увидеть поучительный урок женщины, привыкшей «жить на этой земле».

Я здесь, на краю земли,
а ты на другом краю,
и значит, мы не смогли
судьбу разглядеть свою.

К чему теперь два крыла?

Уснул в небесах закат.

Зачем я тебя ждала,
и в чем ты, скажи, виноват?

Как прежде суров и строг
разлуки немой приказ.

И только дыханьем строк
судьба пощадила нас.

Обозначив таким образом художественную территорию новой книги Светланы Макаровой-Гриценко, заметим, что в стихах о любви молодого поколения поэтов бережность и драматизм взаимоотношений двух любящих изменились ныне порой до неузнаваемости. Появилась бьющая в глаза «цыганщина», суицидальные оговорки, внимательность и чуткость по отношению к любимому человеку приобрели характер бесконечного перечисления зримых деталей, предметов и шагов, и все это — на фоне эгоистического взгляда автора на собственное отражение в виртуальном зеркале.

Стихи Светланы Макаровой-Гриценко о любви — традиционны. В них есть лаконизм, а переживание лирической героини в необходимый, мастерски подготовленный автором момент переходит в смысловую формулу, которая доопределяет происходящее и его участников. Возможно, такое воплощение темы про-

тиворечит нашему лихорадочному времени. Однако нынешняя эпоха — враг традиционного человека, и все, что позволяет нам увидеть в современнике черты христианские и даже философско-гуманистические, становится нашим богатством.

Речь не только о названии и содержании книги «Жить на этой земле...», но и о способе, с помощью которого все старое вправе вглядываться и комментировать все новое. Быть может, молодое и «бешеное» постепенно вернется к словам и путям осторожным и взвешенным. Но сейчас мы обязаны сохранить традиционные чувства и даже самую манеру думать, потому что без этого завтрашний день может быть безутешен и жесток, а ведь в нем призваны жить наши дети и внуки.

Вячеслав ЛЮТЫЙ

